

Лев Семенович Выготский: жизнь и деятельность

В истории человечества никогда не было простых времен, а в человеческой жизни не бывает прямых путей. Судьба человека определяется не вероятностями, а превратностями, которых в жизни Льва Семеновича Выготского было достаточно. Он, как и Жан Пиаже, родился в 1896 году. Несмотря на то, что Выготский жил почти на столетия меньше, их теории развития психики, хотя и различны, но одинаково популярны, авторитетны и высоко ценятся мировой психологической наукой. Джером Бруннер в 1996 году на конференции, посвященной 100-летию Жана Пиаже, выступил с докладом: «Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский». Их теории — это два континента на будущей «карте» Человеческого развития. Связи между ними упрочиваются, а различия углубляются. Сегодня, в XXI столетии нет признаков того, что интерес к ним убывает.

Выготский родился в состоятельной семье в г. Орше. Вскоре семья переехала в г. Гомель, находившийся в Белоруссии, в черте оседлости, где разрешено было жить евреям. Он получил хорошее домашнее, а потом — гимназическое образование. Доминантами его интересов были: история (в том числе еврейского народа), философия, литература. Преобладание гуманитарных интересов вполне объяснимо: в России на рубеже XIX и XX веков наблюдался необыкновенный культурный взлет, получивший название Серебряного века, хотя длился он всего около одной четверти века. С «зияющих высот» культуры века нынешнего не будет большим преувеличением назвать его Золотым, Платиновым и даже Бриллиантовым.

В 1913 году Выготский (по настоянию родителей) поступил на медицинский факультет Московского университета, что было почти чудом. Он по жеребьевке попал в трехпроцентную норму (квоту), которая была установлена для евреев. Однако гуманитарный склад его личности победил волю родителей, и он вскоре пере-

шелся на юридический факультет. Параллельно он стал изучать гуманитарные науки в Народном университете А. Л. Шанявского, где слушал лекции у замечательных психологов и философов П. П. Блонского и Г. Г. Шпета. У последнего он два года работал в семинаре. Это были его первые уроки профессиональной психологии. Окончание Университета и возвращение в Гомель совпали с Октябрьским переворотом в России (1917). Приобретенная Выготским в Московском университете профессия юриста к несчастью для России (и к счастью для психологии) оказалась ненужной. Наступившая в России «Революционная законность» попирала Римское и вообще всякое право. Выготский начал пробовать себя в журналистике, в литературной и театральной критике, в преподавании логики, психологии, литературы в школах и педагогическом училище, где организовал психологическую лабораторию. Годы 1918—1924, проведенные в Гомеле, были очень продуктивны. Интерес к литературе и искусству не отпускал, но привлекала и психология. Он совместил эти интересы, работая над книгой «Психология искусства», которую завершил к 1925 году и защитил по приезду в Москву в качестве диссертации (впервые издана она была только в 1965 году). В этой книге содержались начала или зародыши того, что впоследствии получило название неклассической или культурно-исторической психологии, где самое, казалось бы, субъективное — человеческие чувства — рассматривались как вполне объективное, выраженное в произведениях искусства и других творениях человека. Выготский называл искусство «общественной техникой чувств», т. е. оно выступало для него культурным средством-медиатором развития аффективно-смысловых образований человеческого сознания. И в дальнейшем искусство служило Выготскому не только источником вдохновения, но и источником многих важных научных идей и замыслов.

Параллельно с психологией искусства Выготский работал над книгой «Педагогическая психология», которую точнее надо было бы назвать «Психологическая педагогика». Видимо, ее написание было стимулировано рефлексией по поводу собственного опыта педагогической деятельности. В книге, изданной в 1926 году, уже просматривается проблематика взаимоотношений обучения и развития, обучения и воспитания, личной учебной деятельности учащихся. «Ребенок будет действовать сам, преподавателю же остается только руководить и направлять его деятельность»¹, — писал Выготский. Он говорил о необходимости *сотрудничества* учителя с

¹ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 118.

ребенком, о воспитании у детей желания и готовности действовать самим вместе с учителем. Позднее, уже в московский период своей деятельности Выготский сформулирует положение о том, что обучение должно идти впереди развития. Но это довольно странное опережение, так как обучение делает один шаг, а развитие — два и более. Если сам учитель окажется чувствительным к зоне ближайшего развития ребенка, то она превратится в перспективу его бесконечного развития. Это такая забавная ситуация, когда Ахиллес и черепаха должны попеременно обгонять друг друга. Сейчас, оглядываясь назад, трудно поверить, что обе книги принадлежат перу начинающего психолога. В Гомеле Выготскому становится тесно, и в 1924 году он переезжает в Москву, становится научным сотрудником Института психологии Московского университета. Как вспоминал А. Р. Лурия, Л. С. Выготский приехал в Москву с достаточно отчетливой программой развития психологии, и вокруг него очень быстро собралась группа молодых людей, ставших его единомышленниками и составивших впоследствии ядро научной школы Выготского. Это прежде всего А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев. Потом к ним присоединились непосредственные ученики Выготского: А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Н. Г. Морозова и др. Со временем образовался и более широкий круг Выготского, который далеко вышел за пределы нашей страны.

То ли под влиянием случившейся в России революции, то ли генетически — по своей натуре — и вопреки его теории, Выготский был реформатором. Борис Мещеряков выдвинул интересную гипотезу о том, что Выготский в поисках своей идентичности, по примеру Мартина Лютера, сменил в своей фамилии букву «д» на букву «т». ЛюТер по рождению был ЛюДером, а ВыгоТский — ВыгоДским. Он охотно повторял лютеровский императив: «На том стою и не могу иначе». Выготский принял революцию, принял марксизм, принял задачи переустройства общества и даже задачу создания нового человека. Важнейшим условием их решения он считал перестройку психологии, чему и посвятил оставшиеся ему десять лет жизни. Реформаторство Выготского было особенно страстным и решительным в первые годы московского периода его научной жизни. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» он как бы расчищал площадку для строительства новой психологии. При этом, анализируя течения мировой психологии, в том числе и российской, он не стеснял себя в оценках и пришел к печальному заключению о том, что вся психология находится в глубочайшем кризисе. Сейчас, оглядываясь назад, сознаешь несправедливость такой оценки. В то время в мировой психологии было

множество замечательных интеллектуальных событий и прорывов: достаточно назвать имена М. Вертгеймера, К. Коффки, Э. Клаппарда, Ф. Бартлета, Э. Толмена, Ж. Пиаже, да и самого Выготского. Такому расцвету может позавидовать любая эпоха. По неясным причинам Выготский не опубликовал эту работу. Она была издана более чем через пятьдесят лет. Справедливости ради нужно сказать, что в ней, наряду с критическим пафосом, был и созидательный. Его работа носила творческий характер, что особенно ярко выступило в его последующих работах.

Удивительно интересно проследить эволюцию взглядов Выготского. К нему относятся слова поэта Иосифа Бродского: «Скорость внутреннего прогресса быстрее, чем скорость мира» (Речь о пролитом молоке, 1967). Его путь в психологии можно обозначить как путь к смыслу и к сознанию. Приведу три примера. 1. Выготский начинает «Психологию искусства» с анализа эстетической реакции, а заканчивает поисками скрытого, «второго» смысла «Трагедии о Гамлете» — молчанием, как бы «впаданием» в пропасть смысла. 2. Книгу «Мышление и речь» автор начинает с характеристики значения, как единицы анализа речевого мышления, а заканчивает гимном смыслу, вовсе забывая в последней блистательной главе «Мысль и слово» о значении. 3. Анализ сознания Выготский начинает с его определения как «рефлекса рефлексов», а заканчивает характеристикой «переживания переживаний» как единицы его анализа и утверждением о смысловом (и системном) строении сознания.

К проблеме смысла и сознания вели и его исследования происхождения высших психических функций, которые рождаются в совместной деятельности людей. Он говорил об этом в терминах интер- и интрапсихических функций. В осуществлении обоих видов деятельности решающую роль играют орудия — средства-медиаторы, такие как знак, слово, символ, поэтому главным положением в теории Выготского является опосредованность высших психических функций. Если воспользоваться терминологией М. Бубера, то вся драма психического развития происходит в пространстве *между* — в пространстве между людьми. Именно в этом пространстве складываются разнообразные формы знаково-символической, предметной, речевой, и в широком смысле слова, психической деятельности. Разумеется, к числу медиаторов относятся не только знак, слово, символ, но и овеществленный смысл, миф, произведение искусства. Огромную роль в развитии играют, так сказать, персональные медиаторы: родители, учителя, боги².

² См., например, «Исповедь» Блаженного Августина.

Это положение соответствует, если не букве, то духу теории Выготского. Пожалуй, относительно медиаторов следует сделать одно добавление. Медиаторы — не только орудия, средства развития. Они представляют собой целые миры: мир знаков, мир языка, мир смыслов, мифов и искусства. Эти миры можно назвать одним словом, они представляют собой культуру, которая является приглашающей силой. А каждый человек для культуры — это желаемость, ожидаемость. Человек свободен. Он может принять приглашение, может и уклониться. Нужно помнить, что неучастие человека в культуре наносит ущерб не только ему, но и культуре, так как он не выполняет тем самым своего жизненного предназначения. Именно в этом, на мой взгляд, состоит главный смысл культурно-исторической теории развития психики и сознания, созданный Выготским.

Не могу обойти стороной вопрос о марксизме Выготского. В-первых, в этом, как и в религиозности верующего человека, нет ничего стыдного. Во-вторых, марксизм Выготского, если можно так выразиться, был мягким (*soft-marksism*), не догматическим. Он был смягчен его философской культурой, и особенно его стойким увлечением «Этикой» Б. Спинозы. К концу жизни ранние марксистские убеждения (или, что точнее, иллюзии) Выготского и вовсе испарились. В таких фундаментальных работах, как «Мышление и речь», «Учение об эмоциях» и др. формально и по существу незаметно какого-либо влияния марксизма на развиваемые им взгляды. Увлечения молодости были забыты или обесценены складывающейся социальной ситуацией в СССР, в том числе и ситуацией «развития» науки, когда запрещались психоанализ, психотехника, педология и т. д. Секрет успеха Выготского был не в идеологической предзаданности его поисков, а в его устремленности к практике, к психотехнике, понимаемой в самом широком смысле этого слова, будь то детское развитие (норма и дефект), школьное обучение, театр и кино (сотрудничество с Сергеем Эйзенштейном), или даже психология труда. Как теоретик и методолог он ставил задачу создания особой философии практики.

Выготскому не удалось реализовать проект разработки психологии «в терминах драмы». Он писал, что «динамика личности есть драма»³. Видимо, этот проект родился на основе личного опыта его собственной жизни. Его благополучная семейная жизнь сопровождалась тяжелой болезнью, его научные успехи сопровождалась

жесткой, не только научной критикой, но и политическими обвинениями. Педология, развитию которой он отдавал много сил, была запрещена. Еще при его жизни были запрещены и его психологические труды. Он все это сносил достаточно мужественно, порой с горькой иронией. По свидетельству А. В. Запорожца, он говорил: «Плохое положение от хорошего отличается не тем, что из него нет выхода, а тем, что из него нет хорошего выхода». Свой «выход» он находил в невероятно интенсивной работе, которой он отдавал себя до последнего часа своей жизни. Он как бы следовал максиме Льва Толстого «Нужно делать свое дело, а там будь, что будет».

Ключевые слова развивавшейся им новой психологии — культура, история, переживания, как источник сознания и смысла — советской власти оказались не нужны, более того, — вызывали агрессию. Этой агрессивной критике мы даже обязаны наименованием теории Выготского как культурно-исторической. Так ее с оттенком презрения назвал один из критиков-марксистов. Мы об этом вспомнили, когда в 2005 году начали издание международного журнала «Культурно-историческая психология». В последние годы жизни, его, как и любимого им литературного героя Гамлета, мучили экзистенциальные проблемы «скорби бытия». Счастье, что в эту страшную эпоху Выготскому, в отличие от некоторых его коллег-современников, удалось умереть в своей постели. Но, как говорил Михаил Булгаков: «Рукописи не горят». И сегодня мы имеем многотомное собрание сочинений Л. С. Выготского и его посмертная жизнь продолжается. Его творчество до сих пор анализируется и дискутируется многими психологами. В 2007 году Cambridge University Press опубликовало солидный том «Cambridge Companion to Vygotsky», в создании которого приняли участие ученые из десяти стран, в том числе из России. Уверен, что наследие Л. С. Выготского еще долго будет служить источником вдохновения для тех, кого волнуют вечные проблемы развития человека.

³ *Выготский Л.С.* [Конкретная психология человека]. Публикация А. А. Пузыря // Вестник МГУ. 1986. Сер. 14. Психология. № 1. С. 59.